

**ЭВОЛЮЦИЯ ВОДНО-ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ ДИПЛОМАТИИ УЗБЕКИСТАНА
В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ (1992–2024 ГГ.):
ОТ КОНФРОНТАЦИОННОГО НАСЛЕДИЯ
К ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ ДИАЛОГА**

Научная статья

А.А. Корабаев

Санкт-Петербургский государственный университет
Санкт-Петербург, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0009-0004-4080-4211>
E-mail: akmaljonqoraboyev0@gmail.com

Водно-энергетический комплекс Центральной Азии, унаследованный от СССР, долгое время служил источником острейших межгосударственных противоречий. Республика Узбекистан как крупнейшая страна низовья на протяжении четверти века проводила политику ригидной защиты статус-кво, блокируя региональное сотрудничество и используя водный вопрос как рычаг давления. Однако после 2016 г. произошел стратегический разворот к прагматичному диалогу. В статье на основе системного анализа факторов (экономических, климатических, демографических, геополитических) и с привлечением широкого круга источников, включая работы исследователей из всех стран ЦА, России, Европы и США, доказывается неизбежность и объективная обусловленность этой трансформации. Выявлены конкретные проявления нового курса – от территориальных компромиссов с Кыргызстаном до снятия возражений по Рогунской ГЭС. Впервые в научный оборот вводится тезис о переходе Узбекистана от позиции «вето» к попытке утвердиться в роли сорегулятора трансграничных водных режимов, пусть пока и на ранних стадиях этого процесса. В заключении обосновывается, что достигнутый прогресс остается хрупким без преодоления системных препятствий (противоречия в правовых доктринах, клановый характер элит, внешний фактор Афганистана) и выдвигается требование о разработке всеобъемлющего юридически обязывающего регионального водно-энергетического пакта как единственного пути к устойчивой институционализации сотрудничества.

Ключевые слова: Центральная Азия, Узбекистан, водная дипломатия, трансграничные реки, Рогунская ГЭС, региональная безопасность, политическая трансформация, институционализация, МФСА.

Для цитирования: Корабаев А.А. Эволюция водно-энергетической дипломатии Узбекистана в Центральной Азии (1992–2024): от конфронтационного наследия к институционализации диалога // Постсоветские исследования. 2026. Т. 9. № 2. С. 249–265.

**EVOLUTION OF UZBEKISTAN'S WATER-ENERGY DIPLOMACY
IN CENTRAL ASIA (1992–2024):
FROM CONFRONTATIONAL LEGACY TO INSTITUTIONALIZATION OF DIALOGUE**

Research article

А.А. Korabayev

Saint Petersburg State University
Saint Petersburg, Russian Federation
ORCID: <https://orcid.org/0009-0004-4080-4211>
E-mail: akmaljonqoraboyev0@gmail.com

The water-energy nexus in Central Asia, inherited from the USSR, has long served as a source of acute interstate contradictions. For a quarter of a century, the Republic of Uzbekistan, as the

largest downstream country, pursued a policy of rigidly defending the status quo, blocking regional cooperation and using the water issue as a lever of pressure. However, after 2016, a strategic shift towards pragmatic dialogue occurred. Based on a systematic analysis of factors (economic, climatic, demographic, geopolitical) and drawing on a wide range of sources, including the work of researchers from all Central Asian countries, Russia, Europe and the USA, this article demonstrates the inevitability and objective conditionality of this transformation. Specific manifestations of the new course are identified: from territorial compromises with Kyrgyzstan to the removal of objections to the Rogun HPP. For the first time in academic discourse, the thesis of Uzbekistan's transition from a position of «veto» to an attempt to establish itself as a «co-regulator» of transboundary water regimes, albeit still in the early stages of this process, is introduced. The conclusion substantiates that the progress achieved remains fragile without overcoming systemic obstacles (contradictions in legal doctrines, the clan-based nature of elites, the external factor of Afghanistan) and posits the necessity of developing a comprehensive, legally binding regional water-energy pact as the only path towards the sustainable institutionalization of cooperation.

Key words: *Central Asia, Uzbekistan, water diplomacy, transboundary rivers, Rogun HPP, regional security, political transformation, institutionalization, IFAS.*

For citation: *Korabayev A.A. Evolution of Uzbekistan's water-energy diplomacy in Central Asia (1992–2024): from confrontational legacy to institutionalization of dialogue // Postsovetskie issledovaniya = Post-Soviet Studies. 2026. Vol. 9. № 2. P. 249–265. (In Russ.)*

Центральная Азия относится к числу регионов, где доступ к водным ресурсам исторически определяет не только параметры экономического развития, но и характер межгосударственных отношений. Ключевым триггером обострения ситуации стал распад СССР, разрушивший единую централизованную систему управления трансграничными реками. Обретение независимости поставило новые республики перед необходимостью выстраивать отношения с нуля в отсутствие работающих компенсационных механизмов [Духовный, де Шуттер, 2011]. В новых геополитических условиях вода из общего ресурса трансформировалась в фактор напряженности.

Наиболее остро дилемма проявилась в технологическом и экономическом противостоянии двух подходов к использованию воды – ирригации и гидроэнергетики. Кыргызстан и Таджикистан, контролирующие истоки Сырдарьи и Амударьи, объективно заинтересованы в зимних попусках воды для максимальной выработки электроэнергии. Узбекистан, Казахстан и Туркменистан, напротив, критически зависят от летнего стока для орошения обширных сельскохозяйственных угодий [Петров, 2010; Сидорова, 2008]. Отсутствие регионального консенсуса и компенсационных механиз-

мов породило феномен «водного национализма» – стратегии, при которой каждая страна стремится максимизировать собственную выгоду в ущерб соседям [Шукуров, 2021].

В течение 25 лет постсоветской истории Узбекистан выступал наиболее жестким и последовательным защитником унаследованного от СССР статус-кво. Будучи самой густонаселенной страной региона с водоемкой экономикой, Ташкент проводил политику «вето» в отношении любых попыток пересмотра унаследованного от СССР режима водodelения. Такой подход воспринимался Ташкентом как единственный способ сохранить контроль над стратегическим ресурсом и не допустить изменения баланса сил в регионе. Логическим следствием такой политики стали экономическая и транспортная блокада Таджикистана в связи со строительством Рогунской ГЭС [Бабаджанов, Чернявский; Имомов, 2013], а также односторонние действия на границе с Кыргызстаном, приведшие к многолетней изоляции приграничных районов Ферганской долины [Коваленко, 2013].

Смена политического курса после 2016 г. ознаменовалась кардинальным пересмотром внешнеполитических подходов Ташкента. Ключевыми событиями, фиксирую-

щими этот «стратегический разворот», стали территориальные уступки Кыргызстану для разблокировки двусторонних отношений¹, снятие принципиальных возражений по строительству Рогунской ГЭС в Таджикистане², а также общая активизация региональных консультаций по водно-энергетическим вопросам.

Данная трансформация ставит перед исследователями фундаментальный вопрос: является ли этот поворот следствием исключительно субъективной воли нового руководства или же он представляет собой закономерный, объективно обусловленный ответ на изменившиеся обстоятельства?

Цель настоящего исследования – доказать, что стратегический разворот Узбекистана является не субъективным выбором, а объективно обусловленным ответом на комплекс фундаментальных вызовов. Ключевая идея, составляющая *научную новизну* работы, заключается в обосновании тезиса о переходе Узбекистана от политики «вето» (гидрогегемона, блокирующего изменения) к роли сорегулятора трансграничных водных режимов, заинтересованного в создании общих правил игры. Анализ проводится с опорой на концепцию «гидрогегемонии» [Лихачева, 2012] и практики «дипломатии водников» [Зиганшина, 2019].

Исследование опирается на широкий круг источников: научные труды ученых из стран Центральной Азии, России, Европы и США, документы международных организаций, а также статистические данные и материалы СМИ.

Конфронтационная парадигма: Узбекистан как «гидрогегемон» низовья (1991–2016). Политика Узбекистана в этот период формировалась под влиянием объективной географической уязвимости. Страна является классическим государством низовья: до 80–90% ее возобновляемых водных ресурсов поступает с территории сосе-

дей – Кыргызстана и Таджикистана [Януш-Павлетта, 2018; Норбекова, 2023]. Экономика, исторически завязанная на хлопководстве, требовала стабильного притока воды в вегетационный период. Эта конфигурация породила восприятие стран верховья не как партнеров, а как источников экзистенциальной угрозы.

Стратегия Ташкента строилась на безусловном отстаивании советских протоколов водodelения (№ 413 от 1984 г. и № 566 от 1987 г.), закреплявших львиную долю стока Амударьи и Сырдарьи за Узбекистаном [Рафиков, 2017]. Однако эти документы утратили легитимность в новой реальности. Все страны региона, включая сам Узбекистан, закрепили в национальных водных кодексах принцип исключительной государственной собственности на воду. Требуя от соседей соблюдения советских квот, Ташкент одновременно отказывался признавать их право на экономическую компенсацию за регулирование стока, что создавало неразрешимое правовое противоречие [Жильцов, Бименова, 2015].

Апофеозом этой политики стала экономическая и транспортная блокада Таджикистана из-за строительства Рогунской ГЭС. Узбекистан прекратил поставки газа, ввел жесткие ограничения на железнодорожное сообщение, фактически блокируя доставку материалов для стройки [Бабаджанов, Чернявский, Имомов, 2013]. Схожие методы давления применялись и к Кыргызстану. Кульминацией стали односторонние действия на границе, включая введение визового режима и тотальное минирование приграничных территорий без должной маркировки, что привело к жертвам и на десятилетия разорвало связи в Ферганской долине [Бабаджанов, Чернявский, 2010].

К середине 2010-х гг. стала очевидной экономическая несостоятельность этого курса. Устаревшая система орошения, где 99% составляло затопляющее земледелие, демонстрировала крайне низкую эффективность и блокировала доступ к международным инвестициям, необходимым для модернизации. Крупные проекты не могли получить финансирование от международных финансовых институтов, поскольку ключевым условием доноров было нали-

¹ Узбекистан и Кыргызстан подписали Протокол о делимитации 85% госграницы // Газета.uz. 26.03.2021. URL: <https://www.gazeta.uz/ru/2021/03/26/border> (дата обращения: 15.10.2025).

² *Шавкат Мирзиёев*: Узбекистан не против строительства Рогунской ГЭС // Интерфакс. 09.03.2018. URL: <https://www.interfax.ru/world/603342> (дата обращения: 15.10.2025).

чие работающих региональных соглашений [World Bank, 2017].

Более того, конфронтация блокировала доступ к международным инвестициям. Крупные проекты модернизации ирригационных систем, критически важные для Узбекистана, не могли получить финансирование от Всемирного банка и АБР, поскольку ключевым условием доноров было наличие работающих региональных соглашений [World Bank, 2017].

Наслоение экономических проблем на технологическую отсталость создавало взрывоопасную социальную ситуацию, особенно в густонаселенной Ферганской долине, которую исследователи характеризуют как наиболее конфликтную зону всей Центральной Евразии [Коваленко, 2013; Бояркина, 2017]. Старая аграрная экономика больше не могла абсорбировать растущее население, ведя к скрытой безработице и фрустрации. Стало очевидным, что сохранение статус-кво грозит не просто застоєм, а прямым социальным взрывом, что делало пересмотр прежней парадигмы неизбежным.

Драйверы трансформации: почему прежний курс стал невозможен. К середине 2010-х гг. конфронтационная парадигма зашла в глубокий тупик. Ее сохранение грозило Узбекистану не просто стагнацией, а потерей субъектности и способности отвечать на фундаментальные вызовы. Смена курса была не прихотью нового руководства, а единственно рациональной стратегией, обусловленной наложением нескольких групп объективных факторов.

Экономический тупик и «ловушка статус-кво». Прежняя политика, направленная на силовое удержание водных квот, консервировала экономику Узбекистана. Вода в Центральной Азии выступает не просто ресурсом, а лимитирующим фактором развития, и ее неэффективное использование блокирует рост во всех смежных отраслях [Ахметова, 2007]. Конфронтация создала «ловушку статус-кво»: Узбекистан тратил колоссальные ресурсы на защиту устаревшей схемы водodelения, которая даже при формальном соблюдении не могла обеспечить устойчивого развития из-за внутренней неэффективности.

Эта «ловушка» имела конкретные экономические проявления: помимо прямых потерь, оцененных экспертами ЕАБР в 4,5 млрд долл. ежегодно [Винокуров и др., 2021], конфронтация блокировала любые формы региональной кооперации. Совместные инфраструктурные проекты оставались на бумаге. Торговля с Таджикистаном и Кыргызстаном была сведена к минимуму из-за транспортных блокад и визовых барьеров. Согласно Всемирному банку, продуктивность водопользования в Узбекистане составляла лишь 1,34 долл. на кубометр – в разы ниже показателей не только развитых, но и многих развивающихся стран [World Bank, 2024]. Вместо того чтобы превратить географическое положение в преимущество, Узбекистан оказался в экономической изоляции.

Экзистенциальный климатический вызов. Наложение на экономические проблемы климатического фактора придало ситуации характер экзистенциальной угрозы. Центральная Азия – один из самых засушливых регионов мира, столкнувшийся с ускоренным глобальным потеплением. Согласно докладу МГЭИК, ледники Памиро-Алая и Тянь-Шаня, служащие естественными накопителями пресной воды, тают с беспрецедентной скоростью, что в перспективе грозит полным исчезновением этого стратегического резервуара [IPCC, 2022: 1302].

Профессор Колумбийского университета Бенжамин Орлов в интервью порталу CANEECCA подчеркивает: Центральная Азия нагревается почти вдвое быстрее среднемировых показателей (до +7 °С к концу века, по отдельным сценариям), что делает климатические изменения мощнейшим «мультипликатором угроз»¹. Еще в 2012 г. Т. Бернауэр и Т. Зигфрид² доказали: климат

¹ Что ожидает страны Центральной Азии от изменения климата и будет ли война за воду? Интервью с профессором Колумбийского университета Бенжамин Орловым // CANEECCA. URL: <https://caneecca.org/chto-ozhidaet-strany-centralnoy-azii> (дата обращения: 15.10.2025).

² Будущее воды в Центральной Азии: каким оно будет? // Asia-Plus. 26.03.2024. URL: <https://asiaplustj.info/>... (дата обращения: 15.11.2025).

Тобиас Зигфрид – ведущий автор исследования «Hydro-solutions GmbH». В материале приводятся выводы комплексного моделирования (2024), охватившего более 200 горных водосборов.

редко является непосредственной причиной конфликтов, однако он резко обостряет существующие противоречия, делая их неразрешимыми в рамках старых подходов [Bernauer, Siegfried, 2012].

В новой реальности неизбежного сокращения водных ресурсов прежняя стратегия Узбекистана, ориентированная на конфликтное распределение растущего дефицита, становилась смертельно опасной. Единственной альтернативой стала совместная адаптация и управление рисками, невозможные без доверительного диалога со странами верховья.

Демографический прессинг и внутреннего социальная нестабильность. Экономический тупик и климатические риски многократно усиливались демографическим фактором. С.А. Притчин приводит следующие данные: население Центральной Азии выросло с 51 млн человек в 1991 г. до 78 млн в 2023 г., причем рост оказался гораздо стремительнее прогнозов ООН [Притчин, 2023]. Такой демографический взрыв создает колоссальную нагрузку на все системы жизнеобеспечения и, в первую очередь, на водные и продовольственные ресурсы.

Исследование Е.А. Иванова и Л.М. Исаева показывает, что главным «горючим материалом» для потенциальных конфликтов является безработная молодежь, скапливающаяся в крупных городах [Иванов, Исаев, 2019]. Старая экстенсивная аграрная экономика, основанная на водоемком хлопководстве, уже не могла абсорбировать растущие трудовые ресурсы. Сельское хозяйство, оставаясь главным потребителем воды, переставало быть главным работодателем, порождая скрытую безработицу и отток населения в города. Именно эта масса вынужденных мигрантов, скапливающаяся в городах без перспектив трудоустройства, и формирует, по логике Е.А. Иванова и Л.М. Исаева, тот самый «горючий материал», который делает социальный взрыв неизбежным [Иванов, Исаев, 2019].

З.А. Дадабаева убедительно показывает, что климатические изменения и связанный с ними водный дефицит трансформируют воду из ресурса развития в источник потенциального социального взрыва [Дада-

баева, 2023]. Дальнейшее сохранение статус-кво, обрекающее аграрный сектор на удушье, а города – на аккумуляцию не востребованной и социально дезориентированной молодежи, несло прямую угрозу внутривнутриполитической стабильности Узбекистана. Вода переставала быть просто ресурсом для хлопка – она становилась детонатором социального кризиса.

Новый геополитический ландшафт: между маргинализацией и потерей субъектности. К внутренним вызовам добавились фундаментальные изменения на геополитической карте Евразии. Активизация глобальных и региональных держав в Центральной Азии создала новую конкурентную среду, в которой ригидная позиция Узбекистана вела к его прогрессирующей маргинализации.

Китай в рамках инициативы «Один пояс – один путь» развернул масштабную экономическую экспансию, предлагая многомиллиардные инвестиции в инфраструктуру, транспорт и энергетику [Борисов, Карманова, 2024]. Эти проекты создавали альтернативные логистические коридоры, которые обходили Узбекистан стороной. Чтобы интегрироваться в новые трансрегиональные проекты и привлечь китайские инвестиции, Ташкент остро нуждался в нормализации отношений с соседями.

Россия, столкнувшись с санкциями Запада, также активизировала политику в регионе. Москва предложила Узбекистану и Казахстану конкретные механизмы выхода из энергетического кризиса: создание «тройственного газового союза», участие в строительстве АЭС, возобновление гидроэнергетических проектов [Притчин, 2023]. Доступ к российским энергоресурсам и технологиям давал Узбекистану критическую «подушку безопасности» и пространство для маневра в водных переговорах с соседями.

США и Европейский Союз, действуя через формат «С5 + 1», оказывали на страны региона политическое давление, требуя дистанцироваться от России и не помогать ей обходить санкции [Жильцов, 2024].

Однако геополитическая конкуренция несла для Узбекистана не только риски, но и новые возможности. Активизация Китая

открывала доступ к масштабным инфраструктурным инвестициям [Борисов, Карманова, 2024]. Предложения России по созданию «тройственного газового союза», участию в строительстве АЭС и развитию гидроэнергетики диверсифицировали энергетические активы Ташкента и расширяли его пространство для маневра в переговорах с соседями [Притчин, 2023]. Проект железной дороги «Узбекистан–Таджикистан–Афганистан–Пакистан», активизированный после снятия напряженности с Душанбе, открывал перспективы выхода на новые рынки¹.

Таким образом, новая геополитическая реальность не только подталкивала Узбекистан к диалогу, угрожая потерей субъектности и превращением в пассивного наблюдателя, но и предоставляла ресурсы, делавшие этот диалог менее болезненным и более прагматичным. В этих условиях Ташкенту необходимо было минимизировать внешнеполитические риски и одновременно укреплять собственную субъектность. Этот новый многополярный ландшафт описан А.Т. Молдобаевым, который еще в 2017 г. констатировал окончательную геополитизацию водной проблемы Центральной Азии [Молдобаев, 2017]. Вода перестала быть просто хозяйственным вопросом и превратилась в арену острого соперничества глобальных держав. Оставаться в стороне, занимая ригидную позицию, означало для Узбекистана полностью утратить возможность влиять на процессы, определяющие его водную и энергетическую безопасность.

Давление международных финансовых институтов. Мощным прагматичным стимулом для перехода к диалогу стало давление со стороны международных финансовых институтов. Всемирный банк, АБР и другие структуры заняли последовательную позицию, увязывая выделение средств на крупные инфраструктурные проекты с прогрессом в достижении региональных водных соглашений [Винокуров и др., 2021].

Для Таджикистана и Кыргызстана это означало, что привлечение инвестиций в

Рогунскую и Камбаратинские ГЭС невозможно без учета интересов стран низовья. Для Узбекистана, остро нуждавшегося в модернизации изношенной ирригационной инфраструктуры, отказ от регионального диалога закрывал доступ к льготным кредитам и грантам. Страна оказывалась перед жестким выбором: либо продолжать конфронтацию и оставаться с архаичной, разваливающейся системой водоснабжения, либо договариваться и получать доступ к современным технологиям и финансам. Трезвый прагматичный расчет предопределил выбор в пользу второго пути.

Таким образом, к 2016 г. совокупность объективных факторов – экономическая несостоятельность прежней модели, климатические риски, демографическое давление и геополитические вызовы – сделали смену курса неизбежной. Оставался лишь вопрос о политической воле, способной реализовать эту объективную потребность.

Новая парадигма: от «вето» к «сорегулированию» (2016–2024). Кардинальная смена внешнеполитического курса Узбекистана после 2016 г. обрела конкретные формы в действиях, договоренностях и институциональных преобразованиях. Их совокупность позволяет говорить о формировании качественно новой парадигмы регионального взаимодействия. Ее суть – переход от политики «вето» (безусловного блокирования любых инициатив стран верховья) к политике сорегулирования (активному участию в управлении трансграничными водными ресурсами с целью минимизации рисков и извлечения совместных выгод).

Политический триггер и институциональная перестройка. Ключевым катализатором изменений стала смена высшего руководства страны в 2016 г. Однако, как было показано выше, приход Ш.М. Мирзиёева к власти стал не первопричиной, а мощным политическим триггером, позволившим легитимизировать и институционализировать давно назревшие идеи. В.А. Аватков и З.П. Рожкова отмечают, что новый курс строился на принципе «Центральная Азия прежде всего» и прагматичном многовекторном подходе, принципиально отличавшемся от изоляционистской политики пред-

¹ Узбекистан, Таджикистан, Афганистан и Пакистан договорились о строительстве железной дороги // ТАСС. 16.02.2021. URL: <https://tass.ru/ekonomika/10735647> (дата обращения: 15.10.2025).

шествующего периода [Аватков, Рожкова, 2022].

Новая политика не могла реализоваться без институциональной перестройки. Ключевую роль сыграло реформированное Министерство иностранных дел, превратившееся из бюрократического аппарата в инструмент активной наступательной дипломатии. Были созданы специализированные межведомственные рабочие группы по трансграничным водам, объединившие дипломатов, гидрологов, энергетиков и юристов. Вместо публичных ультиматумов узбекские дипломаты перешли к стратегии «умного участия», сосредоточившись на детальном обсуждении технических, экологических и экономических параметров проектов соседей.

Эта трансформация полностью соответствует концепции «дипломатии водников», описанной Д.Р. Зиганшиной. Анализируя успешный опыт регионального сотрудничества 1990-х гг., она показывает: его основой был профессиональный диалог руководителей водохозяйственных ведомств, их способность договариваться на основе общих данных и взаимных интересов [Зиганшина, 2019].

Ш.М. Курбонов развивает эту мысль, указывая, что в новой парадигме центральным элементом становится не навязывание позиций, а поиск общего понимания, опирающегося на научные данные и непрерывный профессиональный диалог [Курбонов, 2022]. Именно этот подход Узбекистан начал последовательно внедрять в отношениях со всеми соседями после 2016 г.

Кыргызстан – территориальный компромисс как основа доверия. Наиболее наглядным проявлением новой парадигмы стали беспрецедентные территориальные договоренности с Кыргызстаном. Вопрос делимитации границы, отягощенный советским наследием произвольного размежевания и наличием спорных анклавов, десятилетиями оставался главным источником напряженности в двусторонних отношениях.

После 2016 г. Узбекистан продемонстрировал беспрецедентную для региона гибкость. Кульминацией стал 2021 г., когда стороны подписали пакет документов, за-

крепивших делимитацию около 85% спорной протяженности границы¹. Ключевым революционным элементом стали взаимные и симметричные территориальные уступки. Узбекистан согласился передать Кыргызстану ряд стратегических участков, включая территорию в районе Кемпир-Абадского (Анджжанского) водохранилища, имеющего критическое значение для водоснабжения Ферганской долины, в обмен на другие земли и, главное, – достижение долгосрочной стабильности на всей протяженности границы².

Этот шаг стал мощнейшим сигналом для всего региона. Готовность к стратегическому компромиссу в сфере, традиционно относимой к высшему приоритету национального суверенитета, наглядно продемонстрировала серьезность и необратимость намерений Ташкента отказаться от жесткой защиты унаследованного режима в пользу прагматичного поиска взаимовыгодных решений. Сняв главный источник напряженности в этом наиболее конфликтном регионе Центральной Евразии [Коваленко, 2013], Узбекистан создал прочный фундамент доверия для развития всего комплекса двусторонних отношений. Тем самым Ташкент продемонстрировал, что готов выступать не просто стороной в территориальном споре, а сорегулятором пограничного режима, определяющего правила сосуществования на десятилетия вперед.

Таджикистан и Рогунская ГЭС – от блокады к сорегулированию. Столь же показательной стала эволюция подхода Узбекистана к Таджикистану, где центральным узлом противоречий являлся проект Рогунской ГЭС. Е.А. Борисова в своем исследовании показывает, что для Таджикистана, страдающего от хронического энергодефицита, Рогун стал вопросом национального выживания и символом суверени-

¹ Узбекистан и Кыргызстан подписали Протокол о делимитации 85% госграницы // Газета.uz. 26.03.2021. URL: <https://www.gazeta.uz/ru/2021/03/26/border> (дата обращения: 15.10.2025).

² Uzbekistan and Kyrgyzstan reached a solution on the Kempir-Abad reservoir // Reuters. 05.09.2023. URL: <https://www.reuters.com/world/asia-pacific/uzbekistan-kyrgyzstan-reach-deal-disputed-soviet-era-reservoir-2023-09-05> (data accessed: 15.10.2025).

тета [Борисова, 2011]. А.С. Власкина и Т.В. Крюкова, применив метод аналитических сетей, продемонстрировали глубину противостояния и высокую вероятность реализации проекта, несмотря на внешнее давление [Власкина, Крюкова, 2018]. Узбекистан при И. Каримове отвечал на это тотальной блокадой – экономической, транспортной и дипломатической, стремясь любой ценой остановить стройку.

Поворот после 2016 г. был кардинальным. В 2018 г. Ташкент официально заявил о снятии принципиальных возражений против строительства Рогунской ГЭС¹. Однако этот шаг – не односторонняя капитуляция, а результат трезвого прагматичного расчета. Осознав, что остановить проект, имеющий для Душанбе экзистенциальное значение и поддержку международных финансовых институтов, силовым давлением уже невозможно, Ташкент предпочел перейти от безусловного отрицания к активному заинтересованному участию в обсуждении его параметров.

В этом заключается ключевой тезис: Узбекистан перешел от роли стороннего наблюдателя, блокирующего проект («вето»), к попытке утвердиться в роли сорегулятора – то есть стороны, стремящейся влиять на технические, экологические и эксплуатационные аспекты с целью минимизации потенциальных трансграничных рисков для стран низовья. Разумеется, до реального разделения регуляторных функций, предполагающего совместное принятие решений о режиме эксплуатации плотины, здесь пока далеко, однако сам сдвиг от безусловного отрицания к заинтересованному диалогу является тектоническим.

Со стороны Душанбе ключевой уступкой стала готовность к максимально транспарентному международному обсуждению всех аспектов проекта с учетом законных интересов низовья. Ташкент, помимо снятия возражений по Рогуну, разблокировал транспортные, торговые и гуманитарные связи. Были отменены визовые барьеры,

что мгновенно оживило приграничную торговлю.

Более того, Узбекистан активизировал проект строительства стратегической железной дороги «Узбекистан–Таджикистан–Афганистан–Пакистан», ориентированный на выход к портам Индийского океана². Этот проект создает прочную экономическую основу для стратегического партнерства.

Создание общей информационной платформы. Важным, хотя и менее заметным измерением новой стратегии, стало продвижение совместных проектов в сфере водопользования. Ключевой барьер, десятилетиями блокировавший сотрудничество, диагностирован многими экспертами.

Е.Л. Нечаева убедительно показывает: отсутствие доверия к данным и закрытость гидрологической информации – одно из главных препятствий для эффективного трансграничного взаимодействия [Нечаева, 2020].

А.Т. Молдобаев, анализируя политико-правовые аспекты, также указывает, что стороны хронически сомневаются в достоверности данных, что делает невозможным принятие взвешенных решений [Молдобаев, 2018].

Осознав эту проблему, Ташкент начал целенаправленно инвестировать в создание общей региональной информационной платформы и внедрение инноваций. Были инициированы проекты по совместному внедрению «умных» технологий: ресурсосберегающих систем капельного орошения, методов дистанционного зондирования для мониторинга водопотребления, автоматизированных систем управления водораспределением.

Эти технологии выполняют двойную функцию: во-первых, они повышают общую эффективность водопользования, что критически важно в условиях нарастающего дефицита; во-вторых, они выступают инструментом «доказательной дипломатии». Работа таких систем основывается на про-

¹ Шавкат Мирзиёев. Узбекистан не против строительства Рогунской ГЭС // Интерфакс. 09.03.2018. URL: <https://www.interfax.ru/world/603342> (дата обращения: 15.10.2025).

² Узбекистан, Таджикистан, Афганистан и Пакистан договорились о строительстве железной дороги // ТАСС. 16.02.2021. URL: <https://tass.ru/ekonomika/10735647> (дата обращения: 15.10.2025).

зрачных верифицируемых данных, доступных всем сторонам. Это позволяет постепенно деполитизировать технические вопросы, снижая градус взаимных подозрений. Наличие объективной информации создает научную основу для будущего всеобъемлющего водно-энергетического пакта, реализуя на практике принципы «дипломатии водников». Участвуя в создании этой платформы, Узбекистан выступает уже не как государство низовья, требующее гарантий, а как сорегулятор, формирующий единое информационное поле и стандарты водопользования для всего региона.

Таким образом, стратегия сорегулирования реализовывалась Узбекистаном сразу в нескольких измерениях: в территориальном измерении – через готовность к взаимным уступкам и совместному определению правил на границе с Кыргызстаном; в гидроэнергетическом – через переход от блокирования Рогуна к участию в обсуждении его технических параметров; в информационном – через инвестиции в создание общих баз данных и прозрачных механизмов водопользования. Во всех этих случаях Ташкент действовал не как «вето-игрок», стремящийся законсервировать статус-кво, а как сорегулятор, заинтересованный в выработке общих устойчивых правил игры. Если в территориальном и информационном измерениях прогресс уже обрел зримые институциональные очертания, то в гидроэнергетическом диалоге Узбекистан пока лишь обозначил свою готовность к сорегулированию, сделав первый, но важнейший шаг от блокады к переговорному процессу.

Хрупкость прогресса: системные препятствия на пути к пакту. Достигнутый за последние годы прогресс в двусторонних отношениях Узбекистана с соседями, при всей его значимости, остается крайне уязвимым. Он зиждется преимущественно на доброй воле действующих лидеров и конкретных тактических договоренностях, не будучи подкреплён прочными долгосрочными институциональными механизмами. Без перехода к следующему этапу – созданию всеобъемлющего юридически обязывающего регионального водно-энергетического пакта – нынешняя позитивная динамика может быть легко обращена вспять.

Институциональная немощь МФСА.

Центральным институциональным провалом региона остается хроническая неэффективность Международного фонда спасения Арала (МФСА). Созданный в 1993 г. как платформа для координации усилий 5 государств, Фонд так и не смог эволюционировать в действенный инструмент решения конкретных водно-энергетических проблем.

Ю.Х. Рысбеков выявляет системные пороки организации: разобщенность действий стран-участниц, хроническое дублирование функций, отсутствие четких механизмов имплементации принимаемых решений [Рысбеков, 2012].

Б. Януш-Павлетта с коллегами отмечают нерегулярное финансирование, слабую интеграцию национальных подразделений и нечеткое разграничение полномочий как ключевые факторы, парализующие работу Фонда [Януш-Павлетта и др., 2017].

М.Т. Нарбаев и М.К. Бекниязов констатируют, что консультативный статус МФСА носит рекомендательный характер, а принимаемые решения не имеют обязательной юридической силы [Нарбаев, Бекниязов, 2010].

Таким образом, Фонд превратился в дискуссионный клуб, а не в рабочий орган, способный управлять общими ресурсами и разрешать споры.

Фундаментальные правовые противоречия. Еще более глубокий слой проблемы – фундаментальные противоречия в национальных правовых доктринах о статусе воды. Все государства региона закрепили в водных кодексах принцип исключительной государственной собственности на водные ресурсы [Жильцов, Бименова, 2015]. Однако из этого единого принципа следуют противоположные выводы.

Кыргызстан и Таджикистан, будучи странами верховья, интерпретируют государственность как право распоряжаться водой, формирующейся на их территории, рассматривая ее как товар, требующий оплаты за регулирование стока. Б.Х. Мубаракшин детально анализирует эту позицию: страны верховья настаивают на пересмотре советской системы бесплатного водопользования и внедрении «принципа платности» [Мубаракшин, 2021].

Узбекистан, Туркменистан и Казахстан придерживаются противоположной доктрины, рассматривая воду как общее достояние народов региона, «дар природы», который не может быть предметом купли/продажи. Они апеллируют к принципу «непричинения значительного ущерба» и необходимости сохранения исторически сложившегося режима водodelения. Это противостояние двух подходов – коммодификации воды и ее статуса как общего блага – создает правовой барьер для простого компромисса. В теоретическом контексте это столкновение двух доктрин международного водного права: ограниченного территориального суверенитета (страны верховья) и абсолютной территориальной целостности (страны низовья) [Цыренова, 2012]. Будущий пакт должен найти формулу, примиряющую эти полярные позиции.

Внешний фактор: Афганистан как новый водораздел. Самый серьезный вызов, перед которым существующие институты и правовые доктрины бессильны, – это возрастающая активность Афганистана в использовании вод Амударьи. И.С. Зонн, С.С. Жильцов и соавт. подробно анализируют ситуацию и приходят к выводу, что Афганистан обладает значительным, но крайне неэффективно используемым водным потенциалом [Зонн и др., 2018]. После десятилетий разрухи страна приступила к масштабным гидротехническим проектам, центральным из которых является строительство канала Куш-Тепа, способного изымать до 10–15% стока Амударьи [Жильцов, 2024].

Критическая опасность – в том, что Афганистан не является участником ни одного из региональных водных соглашений, не связан обязательствами ни с МФСА, ни с двусторонними договоренностями стран Центральной Азии. Он выступает в роли «джокера», чьи односторонние действия могут радикально изменить водный баланс бассейна, нанеся удар по сельскому хозяйству и продовольственной безопасности Узбекистана и Туркменистана. У региона нет правовых и дипломатических инструментов для эффективного ответа на этот вызов. Канал Куш-Тепа создает не просто дефицит, а новую линию конфликта, для

урегулирования которой потребуются беспрецедентные совместные усилия.

Парадоксальным образом именно здесь открывается и окно возможностей. Узбекистан уже участвует в многосторонних экономических проектах с Афганистаном, таких как строительство железной дороги «Узбекистан–Таджикистан–Афганистан–Пакистан»¹. Это создает прецедент экономического взаимодействия, который в перспективе может быть использован для вовлечения Кабула в водный диалог. Задача региона – научиться увязывать разные треки, используя экономическую заинтересованность Афганистана для выработки общих правил игры в водной сфере. Успешное использование этого частного «окна возможностей» станет важнейшим индикатором зрелости всего региона и необходимым условием для реализации главного – всеобъемлющего водно-энергетического пакта.

Заключение: императив регионального водно-энергетического пакта. Проведенный анализ позволяет сформулировать ряд принципиальных выводов.

Трансформация водно-энергетической политики Республики Узбекистан после 2016 г. представляет собой не конъюнктурный тактический маневр, а глубокий объективно обусловленный стратегический поворот. Страна прошла эволюцию от ригидного защитника советского статус-кво, воспринимавшего любые изменения как угрозу, до прагматичного игрока, осознавшего, что долгосрочная стабильность возможна только через кооперацию и принятие взаимных обязательств. Этот поворот стал неизбежным ответом на наложение фундаментальных вызовов. Экономическая несостоятельность конфронтационного курса, консервировавшего технологическую отсталость и блокировавшего доступ к международным инвестициям, получила количественную оценку и была осознана политическим руководством [Винокуров и др., 2021; World Bank, 2024].

¹ Узбекистан, Таджикистан, Афганистан и Пакистан договорились о строительстве железной дороги // ТАСС. 16.02.2021. URL: <https://tass.ru/ekonomika/10735647> (дата обращения: 15.10.2025).

Экзистенциальный климатический вызов превратил воду из возобновляемого ресурса в быстро истощающийся стратегический резерв, сделав прежнюю стратегию жесткого распределения дефицита смертельно опасной [IPCC, 2022; Bernauer, Siegfried, 2012]. Демографический прессинг и угроза социальной нестабильности требовали новых моделей развития, невозможных без региональной кооперации [Притчин, 2023; Иванов, Исаев, 2019]. Наконец, изменение геополитического ландшафта, активизация в регионе Китая, России, США создали многополярную реальность, в которой изоляционизм вел к неизбежной маргинализации [Борисов, Карманова, 2024; Жильцов, 2024].

Ответом стала системная реализация новой парадигмы. Ее ключевое содержание – переход от политики «вето» к политике сорегулирования, предполагающей активное участие в управлении трансграничными водными ресурсами. Эта стратегия воплотилась в трех направлениях: в территориальных компромиссах с Кыргызстаном¹, заложивших основу стабильности в Ферганской долине²; в смене позиции по Рогунской ГЭС, где Узбекистан превратился из оппонента в заинтересованного участника диалога, стремящегося – пусть пока лишь в формате обсуждения, а не реального сорегулирования – влиять на технические параметры проекта; в инициативах по созданию общей информационной платформы, призванной деполитизировать водный вопрос [Нечаева, 2020; Зиганшина, 2019].

Однако достигнутый прогресс остается глубоко хрупким. Договоренности зиждуются на личных отношениях лидеров и тактических компромиссах, не будучи подкреплены прочными институциональными механизмами. Системный анализ выявляет

препятствия, способные обратить вспять позитивную динамику: институциональная немощь МФСА, неспособного принимать обязательные решения [Рысбеков, 2012; Нарбаев, Бекниязов, 2010]; фундаментальные правовые противоречия между доктринами госсобственности и коммодификации воды [Жильцов, Бименова, 2015; Мубаракшин, 2021].

Но самый серьезный вызов – стремительная активизация Афганистана как нового непредсказуемого водопотребителя в бассейне Амударьи. Строительство канала Куш-Тепа, реализуемое вне каких-либо региональных соглашений, способно радикально изменить водный баланс, нанеся удар по интересам стран низовья и, в первую очередь, Узбекистана [Жильцов, 2024; Зонн и др., 2018]. У региона нет инструментов для адекватного ответа на этот вызов.

В этой ситуации единственным рациональным ответом является безотлагательная выработка всеобъемлющего юридически обязывающего регионального водно-энергетического пакта. Его ключевыми элементами должны стать:

– **правовой компромисс:** формула, признающая законные интересы стран верховья на компенсацию за регулирование стока и гарантирующая странам низовья стабильные объемы водоподдачи;

– **институциональная реформа:** наделение МФСА или нового органа реальными наднациональными полномочиями по мониторингу, разрешению споров и имплементации решений;

– **управление рисками:** создание постоянно действующего механизма для выработки общей позиции по вопросам использования вод Афганистаном;

– **информационная прозрачность:** единая региональная информационная платформа с данными по согласованным стандартам.

Уроки других регионов, сталкивавшихся с аналогичными проблемами (Рейн, Меконг), подтверждают, что долгосрочная стабильность достигается только при наличии сильных институтов с четким мандатом [Молдобаев, 2018]. Цена бездействия сегодня неизмеримо выше, чем когда-либо.

¹ Uzbekistan and Kyrgyzstan reached a solution on the Kempir-Abad reservoir // Reuters. 05.09.2023. URL: <https://www.reuters.com/world/asia-pacific/uzbekistan-kyrgyzstan-reach-deal-disputed-soviet-era-reservoir-2023-09-05> (data accessed: 15.10.2025).

² Узбекистан и Кыргызстан подписали Протокол о делимитации 85% госграницы // Газета.uz. 26.03.2021. URL: <https://www.gazeta.uz/ru/2021/03/26/border> (дата обращения: 15.10.2025).

Продолжение политики полумер в условиях климатического кризиса и появления нового игрока в лице Афганистана означает не просто консервацию статус-кво, а скатывание к острому конфликту за истощающийся ресурс.

Узбекистан, пройдя путь от конфронтации к диалогу, создал уникальное «окно возможностей» для исторического прорыва. Ключевым направлением его реализа-

ции должно стать вовлечение Афганистана в региональные процессы, для чего уже созданы экономические предпосылки, способные нейтрализовать самый острый внешний вызов.

Задача текущего момента для всех стран Центральной Азии – не упустить это окно, перевести энергию двусторонних компромиссов в прочный институциональный фундамент.

ЛИТЕРАТУРА

Аватков В.А., Рожкова З.П. Концептуальные основы внешней политики Республики Узбекистан на современном этапе // Постсоветские исследования. 2022. Т. 5. № 8. С. 825–834.

Бабаджанов А.Я., Чернявский С.И. Проблемы межгосударственных отношений в Центральной Азии (на примере таджикско-узбекских и киргизско-узбекских отношений) // Вестник МГИМО-Университета. 2010. № 4. С. 33–36.

Борисов Д.А., Карманова Л.А. Периодизация внешней политики КНР в отношении Центрально-азиатского региона (1990–2024 гг.) // Известия Восточного института. 2024. № 2. С. 97–108. DOI: 10.24866/2542-1611/2024-2/97-108.

Борисова Е.А. Споры вокруг Рогунской ГЭС // История и современность. 2011. № 1 (март). С. 93–106.

Бояркина О.А. Основные проблемы государств Ферганской долины // Вестник Финансового университета. Серия: Гуманитарные науки. 2017. № 2. С. 94–99.

Винокуров Е., Ахунбаев А., Усманов Н., Цукарев Т., Сарсембеков Т. Инвестиции в водно-энергетический комплекс Центральной Азии // Доклады и рабочие документы ЕАБР. Алматы, М.: Евразийский банк развития, 2021. № 21/3. URL: http://cawater-info.net/library/rus/eabr_2021_ru.pdf (дата обращения: 15.10.2025).

Власкина А.С., Крюкова Т.В. Конфликтологический анализ ситуации вокруг Рогунской ГЭС методом аналитических сетей // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия: Философия и конфликтология. 2018. Т. 34. Вып. 4. С. 556–570. DOI: 10.21638/spbu17.2018.409.

Дадабаева З.А. Климатические изменения и водные проблемы Центральной Азии в XXI веке: риски дезинтеграции // Геоэкономика энергетики. 2023. № 3 (23). С. 100–119. DOI: 10.48137/26870703_2023_23_3_100.

Жильцов С.С. Центральная Азия: потенциал региона и новые вызовы для центральноазиатских государств // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2024. Т. 26. № 1. С. 78–89. DOI: 10.22363/2313-1438-2024-26-1-78-89.

Жильцов С.С., Бименова А.Н. Политика стран Центральной Азии в области использования водных ресурсов трансграничных рек // Центральная Азия и Кавказ. 2015. Т. 18. № 1. С. 90–101. URL: https://ca-c.org.ru/journal/2015/journal_rus/cac-01/05.shtml (дата обращения: 15.10.2025).

Зиганишина Д.Р. Водная дипломатия и наука на службе водной безопасности Центральной Азии / Научно-информационный центр МКВК Центральной Азии. М., 2019. С. 13–24. URL: <https://cawater-info.net/expert-platform/pdf/ziganshina19.pdf> (дата обращения: 15.10.2025).

Зонн И.С., Жильцов С.С., Семенов А.В., Костяной А.Г. Водная политика Афганистана в Центральной Азии // Вестник Московского университета им. С.Ю. Витте. Серия 1: Экономика и управление. 2018. № 3 (26). С. 54–66. DOI: 10.21777/2587-554X-2018-3-54-66.

Иванов Е.А., Исаев Л.М. О методике оценки текущего состояния и прогноза социальной нестабильности в странах Центральной Азии // Полис. Политические исследования. 2019. № 2. С. 59–78.

Имомов А. Территориальные и земельно-водные конфликты в Центральной Азии: взгляд из Таджикистана // Центральная Азия и Кавказ. 2013. Т. 16. № 2. С. 124–139.

Коваленко Г.В. Ферганский фактор как проблема безопасности Центральной Евразии // Вестник Российско-таджикского (славянского) университета. Душанбе, 2013. № 4. С. 1–9.

Курбонов Ш.М. Развитие сотрудничества в области водной дипломатии в Центральной Азии // Oriental Journal of History, Politics and Law. 2022. Т. 2. № 2. С. 88–99. DOI: 10.37547/supsci-oghpl-02-02-12.

Лихачева А.Б. Водная проблема Средней Азии: роль России, Китая и Ирана / НИУ ВШЭ. М., 2012. 12 с.

Молдобаев А.Т. Геополитическое измерение водной проблемы Центральной Азии // Институт политических исследований при Фонде Т. Усубалиева. 5.05.2017. URL: <https://usubaliev-institute.org/2017/05/05/геополитическое-измерение-водной-пр> (дата обращения: 15.10.2025).

Молдобаев А.Т. Политико-правовой аспект управления трансграничными водными ресурсами в Центральной Азии на примере Конвенций ООН // Институт политических исследований при Фонде Т. Усубалиева. 7.01.2018. URL: <https://usubaliev-institute.org/2018/01/07> (дата обращения: 15.10.2025).

Мубаракшин Б.Н. Подходы центральноазиатских республик к реализации регионального водохозяйственного комплекса // КиберЛенинка. 2021. С. 101–106. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/podhody-tsentralno-aziatskih-respublik-k-realizatsii-regionalnogo-vodohozyaystvennogo-kompleksa> (дата обращения: 15.10.2025).

Нарбаев М.Т., Бекниязов М.К. О совершенствовании взаимовыгодного сотрудничества государств – учредителей Международного фонда спасения Арала по решению проблем бассейна Аральского моря // Гидрометеорология и экология. 2010. № 2. С. 202–206. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-sovershenstvovanii-vzaimovygodnogo-sotrudnichestva-gosudarstv-uchrediteley-mezhdunarodnogo-fonda-spaseniya-arala-po-resheniyu> (дата обращения: 15.10.2025).

Нечаева Е.Л. Информационные аспекты трансграничного водного взаимодействия государств Центральной Азии / Экологический фонд Казахстана. Алматы, 2020.

Норбекова В.С. Проблемы использования трансграничных водных ресурсов в Центральноазиатском регионе // Центральная Азия и водные ресурсы. 2023. № 1. С. 1–3.

Петров Г.Н. Конфликт интересов между гидроэнергетикой и ирригацией в Центральной Азии. Его причины и пути преодоления // Центральная Азия и Кавказ. 2010. Т. 13. № 3. С. 59–72.

Притчин С.А. Энергетический кризис в странах Центральной Азии и перспективы их сотрудничества с Россией // Россия и новые государства Евразии. 2023. № 3 (60). С. 94–104. DOI: 10.20542/2073-4786-2023-3-94-104.

Рафиков В.А. Методические аспекты квотирования трансграничных вод Центральной Азии // European Science. 2017. № 12 (22). С. 51–54.

Рысбеков Ю.Х. Нарастивание потенциала интегрированного планирования и управления водными ресурсами Центральной Азии. Блок 3: Международное водное право и политика: программа и материалы для тренинга. Ташкент: НИЦ МКВК, 2012. 225 с.

Сидорова Л. Водно-энергетическая политика; Государства ЦА: проблемы совместного использования трансграничных водных ресурсов // Центральная Азия и Кавказ. 2008. № 1 (55). С. 92–104.

Цыренова Т.Б. О формировании международного политико-правового регулирования в области водных отношений // Вестник Бурятского государственного университета. 2012. № 8. С. 109–113.

Bernauer T., Siegfried T. Climate change and international water conflict in Central Asia // Journal of Peace Research. 2012. Vol. 49. № 1. P. 227–239. DOI: 10.1177/0022343311425843.

IPCC. Climate Change 2022: Impacts, Adaptation and Vulnerability. Contribution of Working Group II to the Sixth Assessment Report of the Intergovernmental Panel on Climate Change. Cambridge: Cambridge University Press, 2022.

World Bank. General Country Assessment – Uzbekistan: General Water Security Assessment. Washington, D.C.: World Bank Group, 2024.

World Bank. International Development Association Project Appraisal Document on a Proposed Credit in the Amount of US \$144,90 Million to the Republic of Uzbekistan for a Ferghana Valley Water Resources Management Project Phase II. Report № PAD1054. Washington, D.C.: World Bank, 2017.

REFERENCES

Avatkov V.A., Rozhkova Z.P. Kontseptual'nyye osnovy vneshney politiki Respubliki Uzbekistan na sovremennom etape // Postsovetskie issledovaniya. 2022. Vol. 8. № 5. S. 825–834. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptualnye-osnovy-vneshney-politiki-respubliki-uzbekistan-na-sovremennom-etape/viewer> (data obrashheniya: 15.10.2025). (In Russ.) [Avatkov V.A., Rozhkova Z.P. Conceptual Foundations of the Foreign Policy of the Republic of Uzbekistan at the Present Stage // Postsovetskie issledovaniya = Post-Soviet Studies. 2022. Vol. 8. № 5. P. 825–834. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptualnye-osnovy-vneshney-politiki-respubliki-uzbekistan-na-sovremennom-etape/viewer> (data accessed: 15.10.2025).]

Babadzhanov A.Ya., Chernyavskiy S.I. Problemy mezhgosudarstvennykh otnosheniy v Tsentral'noy Azii (na primere tadzhiksko-uzbekskikh i kirgizsko-uzbekskikh otnosheniy) // Vestnik MGIMO-Universiteta. 2010. № 4. S. 33–36. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-mezhgosudarstvennykh-otnosheniy-v-tsentralnoy-azii-na-primere-tadzhiksko-uzbekskikh-i-kirgizsko-uzbekskikh-otnosheniy> (data obrashheniya: 15.10.2025). (In Russ.) [*Babadzhanov A.Ya., Chernyavskiy S.I.* Problems of Interstate Relations in Central Asia (on the Example of Tajik-Uzbek and Kyrgyz-Uzbek Relations) // MGIMO Review of International Relations. 2010. № 4. P. 33–36. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-mezhgosudarstvennykh-otnosheniy-v-tsentralnoy-azii-na-primere-tadzhiksko-uzbekskikh-i-kirgizsko-uzbekskikh-otnosheniy> (data accessed: 15.10.2025).]

Bernauer T., Siegfried T. Climate change and international water conflict in Central Asia // Journal of Peace Research. 2012. Vol. 49. № 1. P. 227–239. DOI: 10.1177/0022343311425843.

Borisov D.A., Karmanova L.A. Periodizatsiya vneshney politiki KNR v otnoshenii Tsentral'no-Aziatskogo regiona (1990–2024 gg.) // Izvestiya Vostochnogo instituta. 2024. № 2. S. 97–108. DOI: 10.24866/2542-1611/2024-2/97-108. (In Russ.) [*Borisov D.A., Karmanova L.A.* Periodization of China's Foreign Policy towards the Central Asian Region (1990–2024) // Bulletin of the Eastern Institute. 2024. № 2. P. 97–108. DOI: 10.24866/2542-1611/2024-2/97-108.]

Borisova E.A. Spory vokrug Rogunskoy GES // Istoriya i sovremennost'. 2011. № 1. S. 93–106. URL: <http://www.cyberleninka.ru/article/n/spory-vokrug-rogunskoy-ges> (data obrashheniya: 15.10.2025). (In Russ.) [*Borisova E.A.* Disputes around the Rogun HPP // Bulletin of the Financial University. Series: Humanities. 2017. № 2. P. 94–99. URL: <http://www.cyberleninka.ru/article/n/spory-vokrug-rogunskoy-ges> (data accessed: 15.10.2025).]

Boyarkina O.A. Osnovnyye problemy gosudarstv Ferganskoy doliny // Vestnik Finansovogo universiteta. Seriya: Gumanitarnyye nauki. 2017. № 2. S. 94–99. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnyye-problemy-gosudarstv-ferganskoy-doliny/viewer> (data obrashheniya: 15.10.2025). (In Russ.) [*Boyarkina O.A.* The Main Problems of the Fergana Valley States // Bulletin of the Finances University. Series: Humanity sciences. 2017. № 2. P. 94–99. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnyye-problemy-gosudarstv-ferganskoy-doliny/viewer> (data accessed: 15.10.2025).]

Dadabaeva Z.A. Klimaticheskiye izmeneniya i vodnyye problemy Tsentral'noy Azii v XXI veke: riski dezintegratsii // Geoekonomika energetiki = Geoeconomics of Energy. 2023. № 3 (23). S. 100–119. DOI: 10.48137/26870703_2023_23_3_100. (In Russ.) [*Dadabaeva Z.A.* Climate Change and Water Problems of Central Asia in the 21st Century: Risks of Disintegration // Geoeconomics of energy. 2023. № 3 (23). P. 100–119. DOI: 10.48137/26870703_2023_23_3_100.]

Imomov A. Territorial'nyye i zemel'no-vodnyye konflikty v Tsentral'noy Azii: vzglyad iz Tadzhikistana // Tsentral'naya Aziya i Kavkaz. 2013. Vol. 16. № 2. S. 124–139. URL: https://ca-c.org.ru/journal/2013/journal_rus/cac-02/11.shtml (data obrashheniya: 15.10.2025). (In Russ.) [*Imomov A.* Territorial and Land-Water Conflicts in Central Asia: A View from Tajikistan // Central Asia and the Caucasus. 2013. Vol. 16. № 2. P. 124–139. URL: https://ca-c.org.ru/journal/2013/journal_rus/cac-02/11.shtml (data accessed: 15.10.2025).]

IPCC. Climate Change 2022: Impacts, Adaptation and Vulnerability. Contribution of Working Group II to the Sixth Assessment Report of the Intergovernmental Panel on Climate Change. Cambridge: Cambridge University Press, 2022.

Ivanov E.A., Isaev L.M. O metodike otsenki tekushchego sostoyaniya i prognoza sotsial'noy nestabil'nosti v stranakh Tsentral'noy Azii // Polis. Politicheskiye issledovaniya. 2019. № 2. S. 59–78. URL: <https://www.politstudies.ru/files/File/2019/2/Polis-2019-2-Ivanov.pdf> (data obrashheniya: 15.10.2025). (In Russ.) [*Ivanov E.A., Isaev L.M.* On the Methodology for Assessing the Current State and Forecasting Social Instability in Central Asian Countries // Polis. Political Studies. 2019. № 2. P. 59–78. URL: <https://www.politstudies.ru/files/File/2019/2/Polis-2019-2-Ivanov.pdf> (data accessed: 15.10.2025).]

Kovalenko G.V. Ferganskiy faktor kak problema bezopasnosti Tsentral'noy Evrazii // Vestnik Rossiysko-tadzhikskogo (slavyanskogo) universiteta. 2013. № 4. S. 1–9. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ferganskiy-faktor-kak-problema-bezopasnosti-tsentralnoy-evrazii> (data obrashheniya d: 15.10.2025). (In Russ.) [*Kovalenko G.V.* The Fergana Factor as a Security Problem in Central Eurasia // Bulletin of the Russian-Tajik (Slavic) University. Dushanbe, 2013. № 4. P. 1–9. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ferganskiy-faktor-kak-problema-bezopasnosti-tsentralnoy-evrazii> (data accessed: 15.10.2025).]

Kurbonov Sh.M. Razvitie sotrudnichestva v oblasti vodnoy diplomatii v Tsentral'noy Azii // Oriental Journal of History, Politics and Law. 2022. Vol. 2. № 2. S. 88–99. DOI: 10.37547/supsci-ojhp-02-02-12. (In

Russ.) [*Kurbonov Sh.M.* Development of cooperation in the field of water diplomacy in Central Asia // *Oriental Journal of History, Politics and Law*. 2022. Vol. 2. № 2. P. 88–99. DOI: 10.37547/supsci-ojhpl-02-02-12.]

Likhacheva A.B. Vodnaya problema Sredney Azii: roli Rossii, Kitaya i Irana. M.: NRU HSE, 2012. URL: <https://publications.hse.ru/pubs/share/folder/w8ekajpozt/95886318.pdf> (data accessed: 15.10. 2025). (In Russ.) [*Likhacheva A.B.* The Water Problem of Central Asia: The Roles of Russia, China and Iran M., 2012.]

Moldobaev A.T. Geopoliticheskoye izmereniye vodnoy problemy Tsentral'noy Azii // Institute of Political Studies at the T. Usubaliev Foundation. 5.05.2017. URL: <https://usubaliev-institute.org/2017/05/05/geo-politicheskoye-izmereniye-vodnoy-pr> (data obrashheniya: 15.10.2025). (In Russ.) [*Moldobaev A.T.* The Geopolitical Dimension of the Water Problem in Central Asia // Institute for Political Studies at the T. Usubaliev Foundation. 5.05.2017. URL: <https://usubaliev-institute.org/2017/05/05/геополитического-измерение-водной-пр> (date accessed: 15.10.2025).]

Moldobaev A.T. Politiko-pravovoy aspekt upravleniya transgranichnymi vodnymi resursami v Tsentral'noy Azii na primere Konventsiy OON // Institute of Political Studies at the T. Usubaliev Foundation. 7.01.2018. URL: <https://usubaliev-institute.org/2018/01/07> (data obrashheniya: 15.10.2025). (In Russ.) [*Moldobaev A.T.* The Political and Legal Aspect of Transboundary Water Resources Management in Central Asia on the Example of the UN Conventions // Institute for Political Studies at the T. Usubaliev Foundation. 7.01.2018. URL: <https://usubaliev-institute.org/2018/01/07> (data accessed: 15.10.2025).]

Mubarakshin B.N. Podkhody tsentral'noaziatskikh respublik k realizatsii regional'nogo vodokhozyaystvennogo kompleksa // *CyberLeninka*. 2021. S. 101–106. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/podhody-tsentralno-aziatskikh-respublik-k-realizatsii-regionalnogo-vodokhozyaystvennogo-kompleksa> (data obrashheniya: 15.10.2025). (In Russ.) [*Mubarakshin B.N.* Approaches of Central Asian Republics to the Implementation of the Regional Water Management Complex // *CyberLeninka*. 2021. P. 101–106. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/podhody-tsentralno-aziatskikh-respublik-k-realizatsii-regionalnogo-vodokhozyaystvennogo-kompleksa> (data accessed: 15.10.2025).]

Narbaev M.T., Bekniyazov M.K. O sovershenstvovaniy vzaimovыgodnogo sotrudnichestva gosudarstv uchrediteley Mezhdunarodnogo fonda spaseniya Arala po resheniyu problem basseyna Aral'skogo morya // *Gidrometeorologiya i ekologiya*. 2010. № 2. S. 202–206. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-sovershenstvovaniy-vzaimovыgodnogo-sotrudnichestva-gosudarstv-uchrediteley-mezhdunarodnogo-fonda-spaseniya-arala-po-resheniyu> (data obrashheniya: 15.10.2025). (In Russ.) [*Narbaev M.T., Bekniyazov M.K.* On Improving Mutually Beneficial Cooperation of the Founding States of the International Fund for Saving the Aral Sea in Solving the Problems of the Aral Sea Basin // *Hydrometeorology and Ecology*. 2010. № 2. P. 202–206. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-sovershenstvovaniy-vzaimovыgodnogo-sotrudnichestva-gosudarstv-uchrediteley-mezhdunarodnogo-fonda-spaseniya-arala-po-resheniyu> (data accessed: 15.10.2025).]

Nechaeva E.L. Informatsionnyye aspekty transgranichnogo vodnogo vzaimodeystviya gosudarstv Tsentral'noy Azii. Almaty: Environmental Fund of Kazakhstan, 2020. URL: <https://ecogofond.kz/wp-content/uploads/2020/07/CA.D.329-Informacionnye-aspekty-transgranichnogo-vodnogo-vzaimodeystviya-gosudarstv-Centralnoj-Azii.pdf> (data obrashheniya: 15.10.2025). (In Russ.) [*Nechaeva E.L.* Information Aspects of Transboundary Water Interaction of Central Asian States. Almaty: Environmental Fund of Kazakhstan, 2020. URL: <https://ecogofond.kz/wp-content/uploads/2020/07/CA.D.329-Informacionnye-aspekty-transgranichnogo-vodnogo-vzaimodeystviya-gosudarstv-Centralnoj-Azii.pdf> (data accessed: 15.10. 2025).]

Norbekova V.S. Problemy ispol'zovaniya transgranichnykh vodnykh resursov v Tsentral'noaziatskom regione // *Tsentrálnaya Aziya i vodnyye resursy*. 2023. № 1. S. 1–3. URL: <https://cawater-info.net/syrdarya-knowledge-base/papers/norbekova.pdf> (data obrashheniya: 15.10.2025). (In Russ.) [*Norbekova V.S.* Problems of Using Transboundary Water Resources in the Central Asian Region // *Central Asia and Water Resources*. 2023. № 1. P. 1–3. URL: <https://cawater-info.net/syrdarya-knowledge-base/papers/norbekova.pdf> (data accessed: 15.10.2025).]

Petrov G.N. Konflikt interesov mezhdú gidroenergetikoy i irrigatsiyey v Tsentral'noy Azii. Yego prichiny i puti preodoleniya // *Tsentrálnaya Aziya i Kavkaz = Central Asia and the Caucasus*. 2010. Vol. 13. Iss. 3. S. 59–72. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/konflikt-interesov-mezhdú-gidroenergetikoy-i-irrigatsiyey-v-tsentralnoy-azii-ego-prichiny-i-puti-preodoleniya> (data obrashheniya: 15.10.2025). (In Russ.) [*Petrov G.N.* Conflict of Interests between Hydropower and Irrigation in Central Asia. Its Causes and Ways to Overcome It // *Central Asia and the Caucasus*. 2010. Vol. 13. Issue 3. P. 59–72. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/konflikt-interesov-mezhdú-gidroenergetikoy-i-irrigatsiyey-v-tsentralnoy-azii-ego-prichiny-i-puti-preodoleniya> (data accessed: 15.10.2025).]

Pritchins S.A. Energeticheskiy krizis v stranakh Tsentral'noy Azii i perspektivy ikh sotrudnichestva s Rossiei // Rossiya i novyye gosudarstva Evrazii = Russia and the New States of Eurasia. 2023. № 3 (60). S. 94–104. DOI: 10.20542/2073-4786-2023-3-94-104. (In Russ.) [*Pritchins S.A.* Energy Crisis in Central Asian Countries and Prospects for Their Cooperation with Russia // Russia and the New States of Eurasia. 2023. № 3 (60). P. 94–104. DOI: 10.20542/2073-4786-2023-3-94-104.]

Rafikov V.A. Metodicheskiye aspekty kvotirovaniya transgranichnykh vod Tsentral'noy Azii // European Science. 2017. № 12 (22). S. 51–54. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metodicheskie-aspekty-kvotirovaniya-transgranichnykh-vod-tsentralnoy-azii> (data obrashheniya: 15.10.2025). (In Russ.) [*Rafikov V.A.* Methodological Aspects of Quoting Transboundary Waters in Central Asia // European Science. 2017. № 12 (22). P. 51–54. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metodicheskie-aspekty-kvotirovaniya-transgranichnykh-vod-tsentralnoy-azii> (data accessed: 15.10.2025).]

Rysbekov Yu.Kh. Narashchivaniye potentsiala integrirovannogo planirovaniya i upravleniya vodnymi resursami Tsentral'noy Azii. Blok 3. Mezhdunarodnoye vodnoye pravo i politika: programma i materialy dlya treninga. Tashkent: SIC ICWC, 2012. 225 s. URL: http://cawater-info.net/training/pdf/03_law-policy_ru.pdf (data obrashheniya: 15.10.2025). (In Russ.) [*Rysbekov Yu.Kh.* Capacity Building for Integrated Water Resources Planning and Management in Central Asia. Block 3. International Water Law and Policy: Program and Training Materials. Tashkent: Scientific and Information Center of the International Water Commission, 2012. 225 p. URL: http://cawater-info.net/training/pdf/03_law-policy_ru.pdf (data accessed: 15.10.2025).]

Tsyrenova T.B. O formirovani mezhdunarodnogo politiko-pravovogo regulirovaniya v oblasti vodnykh otnosheniy // Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. 2012. № 8. S. 109–113. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-formirovanii-mezhdunarodnogo-politiko-pravovogo-regulirovaniya-v-oblasti-vodnykh-otnosheniy/viewer> (data obrashheniya: 15.10.2025). (In Russ.) [*Tsyrenova T.B.* On the Formation of International Political and Legal Regulation in the Field of Water Relations // Bulletin of the Buryat State University. 2012. № 8. P. 109–113. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-formirovanii-mezhdunarodnogo-politiko-pravovogo-regulirovaniya-v-oblasti-vodnykh-otnosheniy/viewer> (data accessed: 15.10.2025).]

Vinokurov E., Akhunbaev A., Usmanov N., Tsukarev T., Sarsembekov T. Investitsii v vodno-energeticheskiy kompleks Tsentral'noy Azii // Doklady i rabochiye dokumenty EABR. Almaty, M.: Eurasian Development Bank, 2021. № 21/3. URL: http://cawater-info.net/library/rus/eabr_2021_ru.pdf (data obrashheniya: 15.10.2025). (In Russ.) [*Vinokurov E., Akhunbaev A., Usmanov N., Tsukarev T., Sarsembekov T.* Investments in the Water and Energy Complex of Central Asia // Reports and Working Papers of the EDB. Almaty, M.: Eurasian Development Bank, 2021. № 21/3. URL: http://cawater-info.net/library/rus/eabr_2021_ru.pdf (data accessed: 15.10.2025).]

Vlaskina A.S., Kryukova T.V. Konfliktologicheskiy analiz situatsii vokrug Rogunskoy GES metodom analiticheskikh setey // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Filosofiya i konfliktologiya. 2018. Vol. 34. Iss. 4. S. 556–570. DOI: 10.21638/spbu17.2018.409. (In Russ.) [*Vlaskina A.S., Kryukova T.V.* Conflict Analysis of the Situation Around the Rogun HPP Using the Analytic Network Process // Bulletin of St. Petersburg University. Philosophy and conflictology. 2018. Vol. 34. Issue 4. P. 556–570. DOI: 10.21638/spbu17.2018.409.]

World Bank. General Country Assessment – Uzbekistan: General Water Security Assessment. Washington, D.C.: World Bank Group, 2024.

World Bank. International Development Association Project Appraisal Document on a Proposed Credit in the Amount of US \$144,90 Million to the Republic of Uzbekistan for a Ferghana Valley Water Resources Management Project Phase II. Report № PAD1054. Washington, D.C.: World Bank, 2017.

Ziganshina D.R. Vodnaya diplomatiya i nauka na sluzhbe vodnoy bezopasnosti Tsentral'noy Azii / Nauchno-informatsionnyy tsentr MKVK Tsentral'noy Azii. M., 2019. S. 13–24. URL: <https://cawater-info.net/expert-platform/pdf/ziganshina19.pdf> (data obrashheniya: 15.10.2025). (In Russ.) [*Ziganshina D.R.* Water Diplomacy and Science in the Service of Water Security in Central Asia / Scientific Information Center of the ICWC of Central Asia. M., 2019. P. 13–24. URL: <https://cawater-info.net/expert-platform/pdf/ziganshina19.pdf> (data accessed: 15.10.2025).]

Zhiltsov S.S. Tsentral'naya Aziya: potentsial regiona i novyye vyzovy dlya tsentral'noaziatskikh gosudarstv // Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Politologiya = RUDN Journal of Political Science. 2024. Vol. 26. № 1. S. 78–89. DOI: 10.22363/2313-1438-2024-26-1-78-89. (In Russ.) [*Zhiltsov S.S.* Central Asia: The Region's Potential and New Challenges for Central Asian States // Bulletin of Peoples' Friendship University of Russia. Series: Political Science. 2024. Vol. 26. № 1. P. 78–89. DOI: 10.22363/2313-1438-2024-26-1-78-89.]

Zhiltsov S.S., Bimenova A.N. Politika stran Tsentral'noy Azii v oblasti ispol'zovaniya vodnykh resursov transgranichnykh rek // Tsentral'naya Aziya i Kavkaz = Central Asia and the Caucasus. 2015. Vol. 18. № 1. S. 90–101. URL: https://ca-c.org.ru/journal/2015/journal_rus/cac-01/05.shtml (data obrashheniya: 15.10.2025). (In Russ.) [*Zhiltsov S.S., Bimenova A.N.* Policy of Central Asian Countries in the Field of Using Water Resources of Transboundary Rivers // Central Asia and the Caucasus. 2015. Vol. 18. № 1. P. 90–101. URL: https://ca-c.org.ru/journal/2015/journal_rus/cac-01/05.shtml (data accessed: 15.10.2025).]

Zonn I.S., Zhiltsov S.S., Semenov A.V., Kostyanoy A.G. Vodnaya politika Afghanistana v Tsentral'noy Azii // Vestnik Moskovskogo universiteta imeni S.Yu. Vitte. Seriya 1: Ekonomika i upravlenie = Bulletin of Moscow Witte University. Series 1: Economics and Management. 2018. № 3 (26). S. 54–66. DOI: 10.21777/2587-554X-2018-3-54-66. (In Russ.) [*Zonn I.S., Zhiltsov S.S., Semenov A.V., Kostyanoy A.G.* Water Policy of Afghanistan in Central Asia // Bulletin of the Moscow University named after S.Yu. Witte. Series 1: Economy and Management. 2018. № 3 (26). P. 54–66. DOI: 10.21777/2587-554X-2018-3-54-66.]

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Корабаев Акмалжон Ахмаджанович, аспирант факультета международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Российская Федерация).
E-mail: akmaljongoraboyev0@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Akmaljon A. Korabayev, PhD student of the Faculty of International Relations of St. Petersburg State University (Saint Petersburg, Russian Federation).
E-mail: akmaljongoraboyev0@gmail.com